

И тут «Пушкин»

© Е. А. ЛЕВАШОВ,
кандидат филологических наук

В нашей речевой практике иногда возникают ситуации, требующие кого-то через *кого-то*. На роль *кого-то* язык обычно выбирает известного литературного персонажа, обладающего какой-либо характерной особенностью. Академик Л.В. Щерба отмечал: «Когда в собственном имени какой-нибудь признак становится существенным и обязательным, то собственное имя становится нарицательным (Плюшкин)» (Лекции по русскому синтаксису // Вопросы языкознания. 1970. № 6).

Но бывают у нас житейские ситуации, когда в речевом обиходе фигурирует не художественно выдуманное, а реальное лицо и его реальное имя. В нашем языке это лицо и имя – *Пушкин*: «А бетон кто мне на этот жижесборник даст? Пушкин?» (В. Франюк. Конец календарного года // Наш современник. 1984. № 1); «А чертить Пушкин будет?» (СПб. ведомости. 2005. 30 июля); «Кто оплатит мою учебу в институте? Пушкин?» (Моя семья. 2010. № 9); «Пусть работает Пушкин!» (СПб. ведомости. 2012. 17 мая). Может ли у нас в таких речевых ситуациях (когда нужно обозначить какое-то лицо) видеть *кого-то* другого?

В таких ситуациях это место давно закрепилось за Пушкиным, о котором еще его современник Гоголь сказал: «Пушкин как явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа» (несколько слов о Пушкине).

Выдающееся положение творчества Пушкина в русском искусстве и – шире – в русском мышлении привело к тому, что личное имя *Пушкин* в некоторых речевых ситуациях превратилось в имя нарицательное, т.е. в устойчивую языковую единицу.

... И тут, в далекой от литературы сфере Пушкин оказался востребованным и незаменимым.

Санкт-Петербург

Число и цифра

© В. П. СПИРИДОНОВ

Однажды, переключая телевизионные каналы, я невольно просмотрел часть передачи на детском телеканале «Карусель». Речь шла о значении и использовании слов *один*, *два* и *три*. Дошкольникам разъясняли, что каждое из этих слов обозначает два понятия: *число* и *цифра*. Но, переключившись на «взрослый» телеканал, можно очень быстро убедиться в том, что работникам даже центральных СМИ невдомек, что это – разные понятия. Более того, открыв «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой, я с удивлением обнаружил, что слово *цифра* в разговорном варианте может означать «число». Вот те раз! Как же тогда школьникам на уроках арифметики можно разъяснять, что числа существуют для определения количества, а цифры – для отображения чисел на письме, если на следующем по расписанию уроке русского языка им сообщат, что в разговоре это тождественные понятия? Ситуация в конечном итоге выглядит так, что представители лингвистики, не утрудившись разбором смысловых подробностей этих слов, узаконили, по сути, невежество. В связи с этим вспоминается советский мультфильм про «Вовку в тридевятом царстве», когда он, устав месить тесто в кадлушке, затолкал его целиком в печь со словами: «и так сойдёт!». Но это не может «сойти», потому что в основе построения любого языка стоит соответствие слова и его смысла, а отсутствие этой логики порождает семантический хаос.

Наглядно существующая ситуация демонстрируется в замечательном фильме С. Росточкиго «Доживем до понедельника». В одной сцене картины главный герой В. Тихонова со справедливым негодованием отчитывает коллегу за невежественное «Не ложьте книги в парту! А они все ложат и ложат!». А вскоре, поздравляя другую коллегу с двадцатилетним юбилеем работы в школе, торжественно произносит сам: «двадцать лет – это цифра!». По логике «борьбы с невежеством», в этот момент должен появиться учитель математики и так же бурно объяснить учителю истории азы счисления в десятичной системе. Напомнить уроки первого класса, на которых детям объясняют, что числа в математике изображаются специальными знаками-крючками, специальными «математическими буквами», называемыми цифрами.

Что в десятичной системе таких «крючков» десять 0, 1, ... 9, и именуются они так же, как и соответствующие им одноразрядные числа. Поэтому, употребление выражения «цифра двадцать» с точки зрения учеников первого класса ошибочно дважды. Во-первых, такой цифры нет вообще в десятичной системе, и, во-вторых, количество (в том числе и лет, проработанных в школе) измеряется в числах. Фильм, конечно, не об этом, но факт показательный. Зритель обращает внимание на недопустимость употребления слова «ложить» и пропускает употребление слова *цифра* вне его смысла.

В результате каких логических построений число стало цифрой, понять и принять невозможно. Если число, изображаемое цифрами, можно называть цифрой, тогда любое слово, написанное буквами, по этой логике, можно называть буквой! Причем «разговорность», под которой понимается использование слова *цифра* вместо числа в процессе непринужденного, неофициального общения, опровергается ежедневной практикой. Достаточно послушать речи официальных лиц или почитать статьи в центральных газетах, чтобы убедиться в том, что *число* стало *цифрой* уже официально и письменно.

Журналисты с экранов телевизоров уже запросто «округляют» цифры и выполняют над цифрами математические операции! Остается пребывать в догадках, где же изложены правила этих замечательных действий? Высшее техническое образование не дает мне ответа на этот вопрос. Когда речь идет о числах, можно открыть учебник арифметики. Толковые словари русского языка уравнили в устной речи числа и цифры. Но только теперь надо сделать и следующий логический шаг: «растолковать» в том же словаре, как выглядит разговорная «округленная» цифра.

Из описанного очевидно, что различие с детства смешавшихся слов *число* и *цифра* мало заботит носителей русского языка. Однако встречаются и исключения. Так, на телеканале РБК участник передачи, профессор Высшей школы экономики, сказал, что его раздражает повсеместное употребление слова *цифра* вместо слова *число*. Из данной реплики можно сделать вывод, что этот вопрос обращает на себя внимание, значит, не я один «такой умный», что стало дополнительным аргументом в пользу написания этого письма.

Серпухов
Московской обл.